

Ю.М. ОСИПОВ,
*президент Центра общественных наук
при МГУ им. М.В. Ломоносова,
заслуженный деятель науки РФ,
д.э.н., профессор (Россия)*

КУРС ФИЛОСОФИИ ХОЗЯЙСТВА

Лекция пятнадцатая¹

Россия хозяйствующая

Говорят, что сейчас идет некий (измеряемый тысячами, даже их десятками, если не сотнями) *фазовый переход*, в рамках которого действительно рождается действительно новое и действительно человекоподобное существо, особенностями которого будет как раз его если не полная, то очень большая – решающая – искусственность, т.е. вместе с неприродой или, как мы изволили ранее выразиться, артеродой, кончающей окончательно с природой, должно явиться соответствующее этой артероде человекоподобное нечто – какой-нибудь, позволим себе еще одну словотворческую вольность, артек вместо человека. Сотворенный уже не каким-то там Богом или даже не природой, как и не каким-нибудь Большим Взрывом, равным образом и не космическими пришельцами, а непосредственно человеком, перестающим желать оставаться человеком, возжелавшим перескочить в какой-то другой «вид» (вид вообще – научная условность). Без адвокатов ныне нельзя, без врачей нельзя, без учителей нельзя, без лекарств нельзя, без денег нельзя, без компьютеров нельзя, без интернета нельзя, без идентификационных номеров нельзя, без карточек нельзя... а если подумать... то, по сути, нельзя без пробирики, без аквариума, без клетки, без скафандра, без противогаза и т.д., но, что особенно важно, без геной инженерии, без искусственных органов, без вживленных чипов... а вот как раз и появился наш чиповой, он же и артек.

У кого-то вся эта перспектива вызывает умиление, у кого-то – чувство (чувство ли?) осознанной необходимости, у кого-то – страх и отвращение, а у кого-то – и вообще омерзение. Что говорить, мерзкие времена вокруг, мерзкие, хотя и сладостные по-своему, даже желанные.

Является ли Россия хозяйственной колыбелью нового бытиеподобного мира и нового человекоподобного существа? Является ли она при этом хозяйствующим в данном аспекте субъектом? Или, напротив, она является всего лишь объектом хозяйственного в данном же аспекте действия?

Как хотелось бы, честно говоря, переадресовать эти вопросы кому-нибудь еще – тому, кто все и так знает, но... нам ничего не остается, как размышлять самим – в меру наших ограниченных возможностей, ибо мы не знаем того, *кто* знает, точнее, не можем просто так его спросить и просто так получить от него ответ. Отсюда лишь гипотезы, вероятности, догадки.

¹ Продолжение. Начало см.: Вестник университета «Туран». – 2003. – № 1–2 (18); 2003. – № 3–4 (20); 2004. – № 1–2 (22); 2004. – № 3–4 (24); 2005. – № 1–2 (26); 2005. – № 3–4 (28); 2006. – № 1–2 (30); 2006. – № 3–4 (32); 2007. – № 1–2 (34); 2007. – № 3–4 (36); 2008. – № 1 (37); 2008. – № 2 (38); 2008. – № 3 (39); 2008. – № 4 (40); 2009. – № 1 (41); 2009. – № 2 (42); 2009. – № 3 (43); 2009. – № 4 (44).

Что мы можем здесь сказать?

И да, и нет! Это, конечно, не ответ, хоть и попахивает от него диалектикой, но что нам делать, если мы замечаем и то и другое, не говоря уже о третьем? Однако напрашивается все-таки и некоторая определенность, разумеется, вполне и неопределенная. Какая же?

Нравится это кому-то или нет, но высматривается или даже вычувствуется, что Россия более всего выступает пока в роли объекта – для некоего нового гигантского эксперимента, который, конечно, неоднозначен и по смыслам своим, если так можно выразиться, многослоен. На поверхности это, по всему видно, довольно гнусный эксперимент нынешних Землеустроителей, для которых важно не столько новых существ вывести (на Западе их уже, кажется, вывели, во всяком случае, на пред-видовом уровне), сколько старых человеков (арийцев, кстати) вывести, но уже на нет, ибо они... мешают, крепко мешают... со своими культурами, традициями, понятиями, критериями, языками, т.е. со всем своим все еще неветерившемся багажом. Отсюда и мощнейшая *анти*-культурная, т.е. *анти*-российская, атака, как и, соответственно, атака *анти*-государственная. Это на поверхности. Внутри, как везде, сложнее: тут уже закономерности, случайности, непредвиденности, т.е. все такое, что не совсем уже в воле человека-экспериментатора, если и совсем не в его воле (затеял Бонапарт войну с Россией, в Москву даже вошел, но лишь для того... чтобы русские... в Париже оказались, – вот и весь эксперимент; и таких примеров, в том числе и против русских, предостаточно). С внутренними мотивами и процессами приходится считаться, действия свои корректировать, иной раз кое от чего отказываться, новое предлагать (Бжезинский это хорошо знает), которое есть не то что сопротивление материала, а кое-какое и его – этого материала – собственное мнение. Устроители социоэкспериментов это хорошо понимают: оттого тут всегда и *игра* (без правил, разумеется, хотя и с учетом всяких там обстоятельств).

Одни дают, другие сопротивляются либо даже и свою ведут игру – тоже, надо сказать, без особых правил. Так или иначе, но... *война* (а это и есть в главном игра без правил). Войну эту многие не видят, не хотят видеть, за конкуренцию принимают, а то и за новую жизнь. Однако – *война*! И хозяйство в нынешней России военного, так сказать, толка, но не в смысле его милитаризации (оно даже демилитаризовано), а в смысле состояния, способа реализации, характера бытия. Хозяйство, в котле которого должен погибнуть старый, т.е. и советский, и русский, даже и российский человек, и возникнуть новый – не только не советский, не русский и не российский человек, а человек вообще с еще невиданными – в массе – свойствами (кстати, с заранее заданными; когда онаученный человек научился создавать вещи – машины, материалы, организмы – с заранее заданными свойствами, очень гордясь этим, он почему-то не подумал о той весьма простой вещи, что он сам становится объектом переделки под заранее заданные свойства, – такова великая ирония жизни!). С какими же это свойствами? Да теми самыми – *удобными* для власти, всяческих интенций и придумок, для нового мира, для броска... куда, впрочем? – да не все ли равно, главное, чтобы весело, незатейливо, игриво. Развлекайся, новый человек, развлекайся, это твоя и только твоя миссия на Земле, ибо тебе повезло!

Однако есть еще *высшие смыслы*, которые наука наша очень не любит. Одно дело – признать разные там закономерности и случайности, пусть и не всегда наукой схватываемые, совсем другое – предстать в смиренном и довольно-таки жалком виде перед суперсмыслами, к которым с логикой и доказательствами просто так не подобраться. Здесь иная ясность потребна – *ненаучная*, а лучше сказать, *супер*-научная. Выше науки надо взлететь, а там, глядишь, что-нибудь и поймешь.

Трудно дается такое понимание, очень трудно. И не каждому, и не во всякий миг, и по испытанию – иной раз весьма суровом. Захочешь заглянуть, а... нет, лучше не говорить, лучше помолчать.

Благое молчание!

Великая это вещь – благое молчание. Чего болтать-то? Глухой – не услышит; всезнающий (т.е. совсем уж интеллигент) – сам все знает (разумеется, не *это!*); самонадеянный – на себя, собственно, и надеется, т.е. ничего *такого* ему просто не надо. Что же касается остро

чувствующего, думающего напряженно не одним умом, а и сердцем – большим сердцем, открытого невеселым переживаниям, то ему ведь не так много и надо... разве намека.

Намек!

Кто задумывался над этим замечательным словом? Ведь все о знании, об аргументах, о доказательствах. Как на суде! А тут всего лишь *намек*. Разве может наука признать такое, разве может всезнающий ученый на этом основываться, разве... а вот реальные деятели, надо заметить, намеки любят, чувствуют, на них быстро реагируют... разумеется, деятели великие (неважно, с каким знаком, но великие).

Хотим мы того или нет, но жизнь человеческая, соответственно, и хозяйство обуславливаются таким образом, что ничего собственно человеческого о происходящем сказать невозможно – тут работает такая трансценденция, о которой можно лишь мечтать. В самом деле, что же *такое* происходит сейчас в России? Реформа? Это для наивных. Революция? Это уже для кое-что понимающих. Пересотворение – мира и человека? Это уже для много понимающих. Для чего *такое* падение, зачем *такое* страдание, с какой целью *такое* предательство, по каким мотивам *такой* позор? Конечно, кое-какие соображения мы можем высказать! Сходу и по размышлении, но все равно многое – самое главное – остается за кадром, уходя в эту самую непонятную трансценденцию. Ведь должны же быть какие-то веские основания для подобного антихозяйственного жертвоприношения, для подобного антихозяйственного разгула, для подобного антихозяйственного срыва? Или благодать отвернулась от России, оставляя место гибели? А может, наоборот, жизнь ищет что-то небывалое, которое состоится потом, а не сейчас, а сейчас не жизнь, а некая антижизнь! Ведь похоже, очень похоже на последние времена, после которых или ничего, или что-то совершенно новое, о чем мы и помыслить не можем.

Сегодня в России воцарился и безжалостно действует некий *пресс*, что-то такое из России выжимающий. Что же? Эх, если б знать, а то ведь... Почему столь резкий и столь масштабный **переворот** – и всего и вся? Чтобы к «цивилизованному миру» присоединиться? Так ведь Россия же не частная страна, не локальное сообщество, не малый народ. Россия – мир, а мир не присоединяется – он либо есть, либо его нет. Хозяйство российское – хозяйство мировое, следовательно, оно само-себе-хозяйство, как бы оно ни открывалось, ни присоединялось, ни грабилось. Вот богатеи возникли, а для чего? Клептократия утвердилась, а зачем? Криминал разыгрался, а с какой целью? В самом деле, что же происходит в России?

Нет, не знаем мы ни супермотивов, ни суперпоследствий. Никто не знает. Даже Бжезинский не знает, что он затеял. И Горбачев не знает, и Ельцин, и Березовский. Никто не знает. Ибо все видимые задачи и цели слишком мелки, слишком поверхностны, слишком локальны. Хороши проекты, да без конца... без видимого и понимаемого конца. Бесконечные проекты, где и «бес», и «конечные» так замечательно красноречивы.

Эксперимент есть, он налицо. Но итог... итог вовсе и не ясен. Что из всех этих переходов, бифуркаций и катастроф получится? Разве кто-нибудь из смертных решится на сколь-нибудь точное суждение, на более или менее ясное предвидение? Нет, вряд ли решится, если ответствен. И мы не решаемся... ибо в тумане. Хотя, впрочем, есть у нас... *вера*. Да, вера, безотчетная, слепая, ненужная. Во что? В Россию! «В Россию можно только верить!». Давно сказано, а как замечательно... и актуально. Ничего у нас нет, никакого расчета, никакого проекта, никакого расписания. Один апокалипсис. Однако и *вера*!

Россия не станет ни Западом, ни Востоком, ни Югом, ни Севером. Она останется Россией, может, и в гибели. Но России суждено кое-что понять, чего не понимают ни на Западе, ни на Востоке, ни на Юге, ни на Севере. И это понимание очень и очень важно – для вообще-человека. Недаром же именно в России та же философия хозяйства родилась и развивается. Поиск в России идет – вполне, кстати, хозяйственный – поиск **нового слова и нового миропонимания**. Разве этого мало? И разве слово того не стоит? Разве слово – не стоимость? *В России свершится пришествие Нового Слова!* Не факт, конечно, но вера, а вера, знаете ли, – факт!..

Вот она, **Россия хозяйствующая!** Какая? *Слово создающая*. Вот она, *российская трансценденция*, в которую, конечно же, никто (или почти никто) не верит из умных, из

начитанных, из всезнающих. Но есть и *те*, кто верит, сам того не понимая, но чувствуя, что не зря *все это*, совсем не зря!..

Было время, когда хозяйство сводилось к производству потребительских благ или же к производству денег, да и сейчас многими сводится, однако и пришло время, когда хозяйство рассматривается всего более как производство жизни и человека, как производство сознания и, если хотите, души человеческой, равным образом замечается, что есть и антихозяйство со своими наоборотными целями и алгоритмами, имеющее прямо противоположную функцию. Надо различать хозяйство и антихозяйство, как различать и хозяйство-антихозяйство, направленное на пересотворение мира и человека по замыслу человеческого (и античеловеческому), как и хозяйство, направленное на спасение человека, его сознания и души, что не означает движения назад.

Так вот, нам все-таки представляется, что *в России, подвергаемой жуткому античеловеческому эксперименту, должен потерпеть поражение страшный пересотворительный проект, и России суждено спасти-таки свою душу и души преданных ей людей*. Пора осознать, что в мире идет трансцендентное по сути сражение за Душу и души, что вовсе не выдумка болезненного воображения, что оно не в прошлом, а здесь и сейчас. *Измена, состоявшаяся в России, должна обернуться небывалой преданностью России, которой еще не было в веках – во всей истории человечества*. Странно, страшно, невысказано, но это будет, ибо этого хочет, не может не захотеть странная, страшная и невысказанная Русская Душа, которая не сегодня, но завтра воспрянет и ринется, не сходя с места, в последний бой. Именно не сходя с места, ибо задача русского человека *вы-стоя-ть*, обретя тем самым высокое звание Божьего Человека.

Хозяйствование ныне всего более не вне человека, не около него, не рядом с ним, а непосредственно в человеке, в его сознании, в его душе. Это важнейший вывод, который делает философия хозяйства, вовсе и не оригинальный, но так необходимый. Не производство далее, а **сохранение!** Да, сейчас на повестке именно сохранение – и пусть разговоры о рынке и конкуренции, о деньгах и капитале, о валютных курсах и банковских процентах не затмевают главного – *воссоздания души человеческой*, т.е. того, без чего человек превращается в достойный «постиндустриальной эпохи» компьютеризованный механизм.

Хозяйствование души и хозяйствование в душе! Сильно сказано, не правда ли? И ничего, собственно, нового. А как до этого дойти в триумфальном сциентизированном мире, давно отвергнувшем эту совсем не нужную ему субстанцию – душу? Напрасно кто-то думает, что задача человека состоит в комфортном обустройстве своего частного бытия, а остальное, мол, вполне приложимо – нет, ничего без хозяйствования души и хозяйствования в душе не получится, что прекрасно подтвердили что капитализм, что социализм, что индустриализм, что «постиндустриализм» и что еще подтвердят всякие финансомики, неоэкономики, информаномики, глобализмы и любые изобретения воспаленного ума человеческого.

Загадочная русская душа!

Сколько об этом говорено, и, однако, все впереди – нет, не разгадка русской души, а ее – этой мятежной души – совершенно неожиданное проявление. Главное сейчас – *осознать* и... *не вмешиваться!* Это главное. Многое нужно осознать, отогнав от себя наплывший со всех сторон *морок*, многое нужно разглядеть, пристально всматриваясь в мир и в жизнь через неохотно рассеивающийся *морок*, многое нужно различить и увидеть, понять, оснастив себя *новым мировоззрением* и *новым мировидением*. И никто этого нового мировидения и этого нового мироведения не даст, кроме разве самого Господа Бога, но на то должна быть Его Воля, но никто не может по существу помешать обрести это новое понимание мира и человека в нем, если, конечно, сильно этого захотеть, а захотеть, судя по всему, придется – недаром же именно в России так много сейчас проблем и так много сейчас стремления – не институционализированного вовсе – их разрешения. *Задумался русский человек, ох, как задумался!*..

Душа – субстанция по преимуществу личная. Хотя есть, наверное, и душа народа, которую сциентисты любят называть «коллективным бессознательным», а на самом деле тут все сознательно, хотя и по-особому (если уж что и есть, так это *коллективное сознание*, а не

«коллективное бессознательное»; не стоит забывать, что сознание вообще трансцендентно, а потому в любом случае загадочно, как бы ты его ни называл – коллективным, сознательным, бессознательным и т.д., а главное – оно всегда сложно и в границах своих обязательно размыто, если не спрятано). Душа – вовсе не бессознательное, наоборот, сознательное. Но это не значит, что во всех отношениях понятное, разбираемое, моделируемое. Душа – не система, да и человек – не система, хоть и поигрывать на этой системе можно – как на флейте. Вот эту-то игру и должен исключить со временем русский человек. А пока он должен заняться своей «коллективной душой» – во спасение ее и себя с нею.

И вот тут возникает важнейший вопрос – о **государственности**. Совместима ли душа народа – русского народа – с государственностью? Казалось бы, не очень, но... при ближайшем рассмотрении... можно придти и к иному выводу: *совместима!* Более того, *органично совместима!* Но сейчас, нам уже стало хорошо известно, идет растворение российской государственности, ее всестороннее ослабление, как и самое тревожное – ее криминализация (теперь и словечко появилось соответствующее – клептократия). Русская душа лишается общей для всех, единой для всего времени-пространства, утверждающей бытие – жизнь – общество в их тождестве самим себе, спасительной вне-личностной и даже-сверх-личностной организации. Русская душа лишается защиты, а соответственно, и возможности, если хотите, живительной реализации.

Нет, мы не утверждаем, что все и везде в российской государственности было хорошо, многое было и отвратительным, но была все-таки такая симфония, довольно-таки и гармоничная, между личными, так сказать, душами (вовсе не такими уж «мертвыми») и всеобщей народной душой (не такой уж и «бессознательной»). Можно даже сказать, что имела место такая государственно-личностная соборность, разумеется, со всеми противоречиями, пониманиями, насилиями и бегствами. Нет, мы вовсе не идеализируем российскую государственность, более того, мы склонны признать за нею немало пороков. Однако она была и обеспечивала российскому народу и русской душе не одну лишь возможность быть, но и, не побоимся такого заявления, кое-какой расцвет. Сегодня эта государственность под угрозой.

Да, мы хотим иной государственности, чем сейчас, но, во-первых, именно *государственности*, во-вторых, *нашей* государственности. И крест на государственности ставить нельзя, хотя его и стараются сегодня поставить (чему служат и такие установочные «штучки», как «общечеловеческие ценности», «права человека», «свобода», «открытое общество» и т.д.). *России без самостоятельной и сильной государственности нельзя* (Россия – не Литва, не Бельгия, даже не Украина). При слабой и несамостоятельной государственности нет и не может быть эффективно и в своих интересах хозяйствующей России. *Россия хозяйствующая – государственная, и никакая другая Россия.*

Удар по государственности в России, нанесенный – по различным мотивам – в 1980–1990 гг., поставил Россию вообще в тяжелейшее и крайне опасное положение, не только резко ослабив ее и превратив, по сути, во второстепенную страну, но и лишив ее возможности не то что величаво и содержательно, но и сколько-нибудь самостоятельно и в своих интересах хозяйствовать. *Удар по государственности был ударом по России хозяйствующей.* Вместо хозяйства воцарилось антихозяйство. Россия оказалась на грани существования. Теперь в хозяйствование в России должна входить мощная государственно-восстановительная составляющая.

Нет, мы не против ни экономики, ни открытости, но мы против лишения России и ее народа права и возможности быть полноценным хозяйствующим, а потому и историческим субъектом. И никакие природные и интеллектуальные ресурсы нам здесь не помогут, ибо те и другие могут успешно вывозиться без сколько-нибудь эффективного влияния на саму Россию, ее возрождение. Поэтому мы выделяем две главные составляющие – *духовность и государственность*, те самые составляющие, без подъема и усиления которых ни о какой России хозяйствующей не может быть и речи. А ведь России надо так много избежать!

Вот оно, **хозяйственное богословие России!** Разумеется, это только намек, только сильное желание слабого перед мирозданием и вечностью подрастерявшегося русского человека, но это вполне оправданное желание, ибо что будет с человеком без любви и мудрости, без любомудрого хозяйствования, без хозяйства, основанного на любви и мудрости?

Страшно подумать!

Трудно, невысказано, невозможно.

Но иного пути нет.

Нет!

Да будет!

Продолжение следует

Resume

The main aspects of new trend of the social humanity – philosophy of economy are considered in the present article.